

«Думаешь, обманул меня?! Думаешь, я дура набитая?! Так вот — знай: я уверена, что у тебя есть девка... Из твоих... Но я тебя никому не отдам... Слышишь?! Никому! И будь она — проклята!»

Динамики телефона дребезжали, не справляясь с нагрузкой, и каждое слово несло в себе такую высокую температуру, такой градус, что Сергей Иванович невольно отвел трубку от уха на некоторое расстояние, словно боясь обжечься. И даже короткие гудки отбоя, зазвучавшие кодой в монологе звонившей супруги, искрили и брызгали окалиной.

Телефонный звонок этот оказался для Сергея Ивановича и неожиданным, и болезненным. Будто камень в спину бросили.

Случилось то, что должно было случиться, но совсем не так, как этого хотелось Сергею Ивановичу. Впрочем, какое-то время назад благоволящая ранее судьба перестала быть послушной, жизненные цели перешли в разряд недостижимых или трудно

достижимых, и все то, к чему Сергей Иванович привык, вдруг потребовало его активного вмешательства и серьезной корректировки.

И день, обозначенный в ежедневнике Сергея Ивановича размашистой надписью: «Поездка к Лёшке! Пересмотрю не подlezит!!!», — в череде других напряженных и одновременно счастливых дней не стал исключением.

Выехать рано, при всем старании, не получилось. И причина возникла самая простая: убедительного объяснения для жены, почему необходимо именно в шесть утра отправляться в путь, для того чтобы пару дней погостить у своего институтского приятеля (такова была официальная версия поездки), он не смог найти. Все задуманное мероприятие и без того висело на тонкой ниточке неправды, поэтому Сергей Иванович решил не лезть на рожон, чтобы ниточку эту не оборвать.

Врать по-настоящему, так, чтобы самому верилось, он не умел, да и потребности в этом никогда не испытывал. Но сейчас — очень обстоятельства на том настаивали. Потому что в действительности он собирался провести эти самые пару дней в каком-нибудь уголке Горного Алтая, вдвоем с милой, нежной, сердечной (список эпитетов Сергей Иванович мог бы продолжать до бесконечности) девушкой. С той, что все прочнее и прочнее занимала место в его сердце, предназначенное единственной и любимой, в стародавние времена величаемой — суженая. Место, которое не было занято никем, несмотря на зрелый возраст и почти двадцать лет его, в общем-то, нормального брака с уважаемой им супругой, с его Галиной Михайловной, хранительницей очага, составляющей вместе с ним, как утверждали многие, пару, достойную подражания.

Все приблизительно так и было. До встречи с Таней.

Они познакомились в университете, где Сергей Иванович преподавал и в свои сорок два года являлся деканом филологического факультета, доцентом, кандидатом наук и прочая, прочая... Как говорится, чего еще желать? Все дальнейшее вытекало из достигнутого и уже было сложено к его ногам на всю оставшуюся жизнь.

А Таня на этом же факультете осваивала профессию школьного учителя, скромно предполагая, получив диплом, вернуться

в свой маленький городок Алейск, учить детей литературе, рассказывая им о поэтах и писателях: Пушкине, Лермонтове, Толстом и так далее... И можно сказать, что будущее Тани во многом представляло зримым и определенным.

Но судьбе было угодно, чтобы эти, в общем-то, разные люди, встретились и полюбили друг друга так крепко, что уже и не мыслили себе дальнейшей жизни порознь. Конечно, им приходилось скрывать свои нежные чувства от окружающих. Разрушить семью вот так сразу, в одностороннем порядке и обидеть ни в чем не виноватую перед ним супругу, обеспечивавшую тыл, пока он учился, писал диссертацию, защищался и делал в целом блестящую карьеру, Сергей Иванович пока не решался. Ему было крайне неловко принять тот факт, что разрыв с женой принесет ему счастье, а ей одиночество и боль.

И все-таки время шло, любовь настойчиво требовала правильных и честных поступков, с каждым днем вся эта конспирация становилась все сложнее и бессмысленней, поэтому Сергей Иванович твердо решил после поездки объяснить с женой и начать новую жизнь с Таней. Он в самом деле устал являться подвижной частью любовного треугольника, постоянно перемещаясь между вершинами, обозначенными как «Т.» и «Г. М.».

Да и перед Таней ему тоже было крайне неловко. Крайне!

А главное (и это Сергей Иванович считал совершенным чудом), любовь к Тане открыла ему много нового и важного не только в жизни, в ее осмысленном или интуитивном движении, но и в самом себе. Любовь учила его радости совместного бытия, как, впрочем, и божественно простым вещам. Его сердце заходило в восторге от того, что Таня нежными пальцами своими касается именно его щеки, а не щеки другого мужчины. И еще, любовь придала легкость его походке, возникшей от внутреннего ощущения, что каждый шаг ведет в конечном итоге на свидание к Тане.

Он по-мальчишески радовался, когда его приученный к переработке информации и анализу мозг посещали некие глупости, от которых он краснел и сдерживал подступающие слезы. Ему представлялась, например, такая ситуация, что Таня (не дай бог) смертельно заболела и, чтобы достать спасительное лекарство, он должен совершить ряд поступков на грани запредельного риска,

и в мыслях своих, сделав невозможное, он успевал в самую последнюю минуту спасти Танину жизнь. И слезы, которые в моменты подобных наваждений своевольно увлажняли глаза Сергея Ивановича, говорили не о ценности его самопожертвования, а о страхе потерять Таню...

Маленькая юркая «Шевроле-Нива», управляемая Сергеем Ивановичем, медленно и нудно продвигалась в утренней пробке к выезду из города. Светофор отсекал транспортный поток небольшими порциями, давая проход пешеходам, затем пускал машины из прилегающих улиц. И казалось, этой тянучке не будет предела.

Сергей Иванович, двигаясь вперед и стараясь не задеть лезущую слева в его ряд ГАЗель, тут же чуть было не подставился правым боком, тем, где сидела Таня, под таран белой «восьмерке» с лохматым молодым водителем за рулем.

Завизжали шины, оставляя на асфальте черные полосы, Таня вскрикнула, Сергей Иванович, чуть запоздало среагировав, тоже ударил по педали тормоза, и обе машины замерли, не дойдя до точки столкновения нескольких сантиметров. Сергей Иванович, глядя на побледневшего парня в «восьмерке», виновато развел руками, дескать, простите, товарищ. Парень сдержанно кивнул в ответ, принимая извинения, и, судя по движениям губ, сказал что-то не очень ругательное, похожее на «бы-ва-а-ет».

А сзади уже завывали клаксоны и, не успев толком прочувствовать испуг от возможной аварии, они поехали дальше, вынужденные подчиниться закону общего движения.

За перекрестком поток поредел, рассредоточивая машины в разных направлениях, и наконец-то прибавив скорости, Сергей Иванович и Таня проскочили мост через Обь, оставляя позади не только наливающийся влажной духотой город, но еще и так им обоим осточертевшую двойную жизнь.

«...В Барнауле наблюдаются пробки на проспекте Строителей от Павловского тракта до улицы Челюскинцев и от площади Победы до Ленинского проспекта. Также затруднено движение на Северо-Западной: от улицы Юрина до проспекта Калинина, в обоих направлениях. Актуальны аварии...» — с необъяснимым подъемом в дикторском голосе вдогонку бубнило им свою ежедневную страшилку городское радио, еще принимаемое

автомобильным приемником. Но Сергей Иванович и Таня уже не являлись участниками этого вавилонского столпотворения.

Теперь все лучшее, что на сегодняшний момент они могли получить от жизни, ожидало их в пути, который им предстояло преодолеть по извилистой ленте дороги, покорно стелющейся под колеса их машины. И этот простор полей, а затем предгорий, искажающих привычные пропорции между небом и землей, отнимая главенство у необъятного на равнине неба. И это самое небо, подвижное, завораживающее многомерностью акварельного пейзажа, вмещающее в себе и ближнюю лазурь, подсвеченную солнцем, и свинцовые чернила туч с косыми линиями дождя на дальнем горизонте. И древние мудрые горы, что должны были принять их такими, какие они есть, со всей тяжестью и одновременно радостью грешной любви, свалившейся им на головы.

А в целом впереди маячили два прекрасных дня на фоне природы, благоволящей ко всем влюбленным.

И, чтобы не портить предстоящего праздника Тане, Сергей Иванович умолчал о неприятном событии, с которого (не считая незначительного инцидента с «восьмеркой») началось их путешествие. Рассудив прагматично, он счел, что эта неприятность касается только его.

Случилось то, что должно было случиться, но совсем не так, как ему хотелось бы...

Жена Сергея Ивановича, Галина Михайловна, в дурах никоим образом не числилась. И обладала к тому же свойственным многим женам чутьем на внутреннее состояние мужа, меняющееся в зависимости от наличия или отсутствия в мужском сердце влюбленности. И ей, чтобы понять это, не требовалось прибегать к обнюхиванию супруга, стараясь уловить запах чужих духов, равно как и к поиску длинных женских волос на пиджаке или следов губной помады на рубашке. Такая женщина способна определить измену своего мужчины по слову, по интонации, с которой слово сказано, и даже по молчанию, потому что молчание, как известно, различается по качественным характеристикам.

И похоже, что Галина Михайловна определенные признаки симпатии у супруга к некоей особе женского пола предполагала, но, считая это делом несерьезным, входящим в светский имидж

состоявшегося ученого и не угрожающим крепости семьи, терпела. И только в последнее время, ощутив в его увлеченности некую опасность для себя, забеспокоилась не на шутку.

Чтобы понять, насколько далеко все зашло, она начала устраивать мужу скандалы без всякого повода. Что удивительно: Сергей Иванович, ранее такой покорный, ввязывался в ссоры и защищался как мог. А это, с точки зрения Галины Михайловны, доказывало его виновность.

И неожиданно возникшая поездка к другу (венчающая слишком поздние и слишком частые заседания ученого совета, консультации и совещания у ректора), которой она никак не могла воспрепятствовать, ну просто доканала Галину Михайловну. И она в порыве гнева бросила вдогонку Сергею Ивановичу тот самый «камень», тяжелый и почти неприцельный...

Бросок, завершившийся стопроцентным попаданием.

Когда он уже находился в гаражном боксе и торопливо укладывал в багажник палатку, спальники и складную мебель, Галина Михайловна позвонила и, не давая вставить ни слова, все больше и больше распаляясь от собственной решимости, выдала: «Думаешь, обманул меня?! Думаешь, я дура набитая?! Так вот — знай: я уверена, что у тебя есть девка... Из твоих... Но я тебя никому не отдам... Слышишь?! Никому! И будь она — проклята!»

Прокричала и отключила телефон.

В трубке отгорели сполохи коротких гудков и смолкли, погас дисплей, а воздух над телефоном, казалось, еще продолжал резонировать, воспроизводя гневное заклинание: «Проклята... Проклята... Проклята...»

Сергей Иванович, совсем не желая на тот момент никакого разговора с Галиной Михайловной, но чувствуя, что почва понемногу уходит из-под ног, все-таки попытался перезвонить, но в ответ услышал монотонную фразу: «Телефон вызываемого абонента...»

«И хорошо, что недоступен, — ухватился за отсрочку Сергей Иванович. — И ладно. Вранье надоело, но... Будем считать — разговор начат и отложен. Всё — забыть».

А чтобы их в дороге не потревожили нежелательные звонки, он отключил звуковой сигнал в своем телефоне, оставив только

вибрацию. И вскоре Сергей Иванович действительно забыл про эту ложку дегтя, ведь слишком сладко разливался мед их путешествия.

К тому времени они уже оторвались от города на порядочное расстояние, свернув на трассу М-52, на самый скучный ее участок — от Барнаула до Бийска.

Скучный всегда, но только не сейчас. И будь за окном не однообразные холмы и лесопосадки, а какие-нибудь прелести африканского сафари-парка, Сергей Иванович все равно оставлял бы пейзажи без должного внимания. Он любовался Таней.

Нет, Таня вряд ли принадлежала к разряду красавиц, что ментально включали далеко идущее воображение мужчин.

Хотя ее ладно слепленная фигурка отчетливо прочитывалась во всей своей женской привлекательности даже под мешковатой футболкой. Может быть, на самый изысканный вкус она была чересчур худа в икрах и тонка в запястьях, может быть, слишком проста и скуласта лицом. Но ее зеленые, крупного рисунка глаза, магнетически влекли, словно глубокий омут. И не порченные салонной покраской светло-русые волосы, свитые в тугие толстые косы, светились изнутри, как льняная пряжа — все это милое и пригожее не оставалось незамеченным. Да только в полной мере не являлось наиболее важным в женском обаянии Тани.

В Тане притягивало очарование детской непосредственности, открытость и неподдельная воодушевленность. То, как она могла окружить человека искренней заинтересованностью, одарить сердечным теплом, подкупало. Рядом с Таней было хорошо и спокойно. Хорошо так же, как в детстве.

А еще эта ее спокойная открытость, словно умиротворяя обоих, делала их любовные отношения с Сергеем Ивановичем особенными. Они, кстати, в русле своего быстро сложившегося романа очень легко преодолели стеснение наготы (усугубленное дистанцией декана и третьекурсницы), а точнее, они не испытывали его вовсе, словно единство их тел было чем-то естественным. Вроде бы ничего необычного между людьми взрослыми, но стоит учесть, что Сергей Иванович был у Тани первым мужчиной. А сам Сергей Иванович, не имея до Тани никаких связей на стороне, уже давненько не наблюдал свою супругу на брачном ложе ни в каком

ином виде, кроме как в длинной ночной рубашке. И словно открывая для себя нечто важное, те, довольно редкие, часы любовных свиданий (и за рамками постели) Сергей Иванович и Таня проводили обнаженными или с минимумом одежды. Будто бы им хотелось чувствовать друг друга самой кожей. И каждый раз Сергей Иванович как мог оттягивал момент Таниного облачения.

Сейчас, в пути, небольшой салон «Шевроле-Нивы» уже стал местом их уединения, и эта свобода быстро вскружила им головы.

— Не смотри на меня так, — попросила Таня, — мне немножечко неловко. Смотри лучше на дорогу!

— Мне можно, — ответил Сергей Иванович, — я хороший водитель.

— Это говорит тот самый человек, по милости которого мы едва не поцеловались с «восьмеркой»? Какая самонадеянность!

— А я все равно буду смотреть! — шутливо возразил Сергей Иванович. — Кто может помешать мне смотреть на самую красивую девушку в Алтайском крае?!

— Значит, вам нравятся красотки местного значения? — с фальшивой обидой протянула Таня.

— Пока я тебя сравниваю с местными, — отшутился Сергей Иванович, — а начнем путешествовать — сравню с мировым эталоном! Ты готова со мной отправиться в «дальние страны»?

— Считаю — договорились! — рассмеялась Таня и, потянувшись к Сергею Ивановичу, поцеловала его в щеку, а после не удержалась и по-собачьи лизнула в ухо.

— Девушка, вы мешаете водителю, — отозвался на Танину проделку Сергей Иванович и для остротки, вильнув рулем, качнул машину влево и затем возвратился на свою полосу.

— Тогда отвлеки меня чем-нибудь, — попросила Таня.

Она открыла перчаточный ящик и, покопавшись в CD-дисках, обнаружила там новенькую, еще не читанную книгу.

— «Архитектоника оригинальной поэзии», — прочитала она вслух. — Автор С. И. Колесников. То есть — ты!

— Моя книжечка, моя... Свеженькая... Вчера привезли из типографии. Взял с собой полистать...

— И не скучно тебе такие книжки читать? — спросила Таня. — Одно название чего стоит.

— А мне зачем ее читать, — ответил с улыбкой Сергей Иванович, — я написал, пусть другие читают.

— Другие, значит... вот мы сейчас и почитаем, что нам, простым людям, пишут люди умные. Глава: «Игра в классиков, или Классические игры ОБЭРИУтов». Как мило... Ну, всю мы читать не будем... Мы по-га-даем. Страница шестьдесят пятая, третий абзац сверху... Вот: «ОБЭРИУты подходили к своему творчеству (достаточно неоднозначному в контексте социалистического реализма) с позиции вечности, словно сразу же, с первых шагов, записываясь в классики. Их изначально интересовали спрятанные в радужную абсурдную оболочку кажущегося мелкотемья безусловные факты масштабности человеческого бытия. И если, скажем, в ОБЭРИУтских текстах присутствовали как образы Эрос и Танатос (сиречь Любовь и Смерть), то исключительно в самом максимальном приближении...» Как-то все рядом — любовь и смерть. Один шаг... И весело и грустно... Слушай, Серёжа, ты у меня умный-преумный? Это ты сам все придумал?

— Танька, не смущай... Тут ничего особо умного... Просто, если много читать — выводы приходят сами.

— Не знаю, не знаю... А как так — вот ты такой... и меня вдруг полюбил?

— Тоже, потому что умный! — не выдержав Таниных вопросов, рассмеялся Сергей Иванович. — Смотри-ка, уже Бийск. Дальше дорога пойдет веселее...

И действительно, несмотря на то что в Бийске они попали под дождь, поливавший их из тучи, давненько маячившей на горизонте, на выезде из города опять выглянуло солнце.

Уткнувшись в массивные бетонные буквы «БИЙСК» и наконец-то оставшись позади, сменился скучный пейзаж, неудачно составленный природой из подручного материала, набранного кое-как. А что еще можно сказать о давно не паханных полях, уходящих в никуда тополиных лесополосах, клочках осиновых и березовых рощ, в которых деревья живые стояли вперемешку с деревьями погибшими, чьи голые, неприкаянные стволы среди шумящих изумрудной листвой собратьев невольно нагоняли тоску?

А вот дальше, за Бийском (вместо прежнего набора, не вызвавшего в путешественниках добрых эмоций), по обе стороны

дороги основательно расположились свежеумытые сосны, горизонтально раскинув вечнозеленые ветки, словно для братских объятий, и отсвечивая на солнце корабельным лаком янтарных стволов. Да и сама дорога стала пошире — по две полосы черного новенького асфальта побежали в каждую сторону.

Завернув на заправку «плеснуть бензинчика», Сергей Иванович проверил звонки в телефоне, который уже несколько раз сверлил ему карман бесшумным, но таким требовательным вибровывозом. В памяти трубки значились пять пропущенных звонков от абонента «Колесникова Г. М.». С кем с кем, а вот с женой Сергей Иванович в данное время хотел бы разговаривать меньше всего. И то, что звонков было целых пять штук, тоже не радовало Сергея Ивановича. Обычно супруга не снисходила даже до повторного звонка, когда не получала ответа. А если, несмотря на гордость, Галина Михайловна продолжала звонить, значит, она хотела сказать нечто из ряда вон.

Так оно и было. Не найдя никакого утешения в своем отчаянном звонке мужу, с возникшими в ходе ее монолога проклятиями и ругательствами, Галина Михайловна не могла уже обрести утешения ни в чем.

«Как же так? — думала она, пытаясь как-то объяснить самой себе происходящее. — Что за отношение к семье? Ко мне, в конце концов? Как-то мне нужно... Ему все это не важно... Да-а-а, кто бы мог подумать... А что важно? Разве можно вот так бездарно пустить по ветру то, что создавалось столько лет?»

Справедливости ради, следует отметить, что фразы «отношение к семье» и «отношение ко мне» были тождественны. Их семья состояла из двух человек. Детей они, в большей степени по инициативе Галины Михайловны, не завели. Сначала мешали плохие бытовые условия, затем учеба в аспирантуре, после — работа над диссертацией. Когда уже стало можно, оказалось, что уже нельзя. Несколько аборт на достаточно поздних сроках лишили Галину Михайловну возможности иметь детей и добавили разные женские болячки. Отсюда, кстати, проистекали и ночная рубашка до пят, и отсутствие инициативы в исполнении супружеского долга.

Беду эту Галина Михайловна приняла целиком на свою душу, считая только себя виновной в сложившихся обстоятельствах,

поскольку и решения избавляться от нежелательных беременностей (после длительных колебаний) принимала сама, не ставя Сергея Ивановича в известность. И слезы о нерожденных детях она оставила себе. Конечно, нести вину в одиночку было тяжело и мучительно. Тайком Галина Михайловна даже ходила в церковь и ставила свечки Богородице, но успокоение приходило только на время. Стоило ей перехватить размягченный взгляд Сергея Ивановича, которым он смотрел на чужих ребяташек, и тоска наваливалась с новой силой.

Отсутствие детей Галина Михайловна пыталась заменить образцовым содержанием дома. И дом действительно был ухожен, как, впрочем, и сам Сергей Иванович. А теперь, почувствовав его интерес на стороне, она восприняла это как предательство.

«Успокойся, — попыталась собраться с мыслями Галина Михайловна, — нет никаких достоверных признаков его измены. Поэтому... нужно поискать эти признаки, чтобы убедиться, что их не существует».

Сначала она обыскала (чего с ней ранее никогда не случалось) карманы его курток и костюмов. И ничего предосудительного не обнаружила.

«Вот видишь! — твердила она себе застрявшую в голове фразу. — А ты уже черт-те что надумала! Вот видишь! Вот видишь!»

Оставался его рабочий портфель. Там тоже ничего «такого» не было: ежедневник, пара новых книжек «Архитектоника в оригинальной поэзии», билет члена Союза журналистов России, ручки и всякая мелочь. Ничего, кроме маленькой фотокарточки размером три на четыре, которую она вытрясла из недр ежедневника, на две трети заполненного не очень разборчивым мужниным почерком. Фотографии, затерявшейся между листами, где-то недалеко от странички с предусмотрительно сделанной несколько недель назад и в присутствии Галины Михайловны надписью: «Поездка к Лёшке! Пересмотрю не подлежит!!!»

С фотографии смотрела совсем молоденькая девушка, почти девчонка, со светлыми волосами, заплетенными в две толстые косы. И ямочки на ее щеках свидетельствовали о том, что девушка всеми силами сдерживает улыбку по требованию фотографа, снимающего на документ. И сердце у Галины Михайловны зануло.

— Вот, значит, ты какая... «Лёшка-однокурник», — теперь уже вслух, глухо произнесла Галина Михайловна. — Не зря я, не зря... Нельзя верить никому... А я верила, идиотка... А мне — позорный классический треугольник. И я в нем — вершина тупого угла!

Вложив в кисть руки всю ненависть, закипевшую в каждой клеточке тела, она смяла фотографию в небольшой шарик и, зайдя на кухню, бросила ее в мусорное ведро. Затем, вынув из сумочки телефон, набрала вызов абонента «Колесников С. И.».

Абонент не отвечал...

Сростки Сергей Иванович и Таня проехали, не останавливаясь, только погудели троекратно автомобильным сигналом, приветствуя невидимого с трассы, сидящего на Пикете бронзового Шукшина. А в Суртайке, там, где открывался вид на поворот Катуня, остановились, чтобы перекусить. Разложив тряпочку на капоте, на манер скатерти для импровизированного стола, они пили шиповниковый чай из термоса и ели испеченные Таней в дорогу объемистые пирожки с печенью и маломерные пирожки со щавелем, необычайно вкусные на свежем воздухе. И вдобавок, по принципу смешения полезного с приятным, дополняли обед видом бегущей неподалеку Катуня и очертанием первых предгорий.

— Ты мне вше-таки скажи, — с нарочито набитым ртом опять начала приставать Таня. — Фто же это такое — твои ОБЭРИУты? Не понимаю... Вот Шукшина — понимаю. Думаю, что и Шукшин не понимал этих твоих...

— Танька, не дурачься, — смеялся Сергей Иванович. — Ты, между прочим, почти отличница.

— Нет, нет, объясни, — не отставала Таня. — А то опозоришься... Скажут: они не пара. Он — такой! А она...

— Ладно! Итак, господа студенты и прочие сомневающиеся, объясняю. В основе мировоззрения ОБЭРИУтов лежал абсурд, и они считали, что абсурд — это реальность в реальности. Что абсурд имеет свое обусловленное место в жизни...

— Проще нужно быть, герр Профессор...

— Ну вот, например, машина эта: «Шевроле-Нива». Чистый абсурд... Реальность «Нивы» в том, что она рабочая лошадка

российского автопрома, а реальность Chevrolet — в том, что это чистая классика американской автоиндустрии. А вместе — абсурд!

— Ну, тогда заводите ваш абсурд, герр Профессор, и в путь!

Дальше ехали не торопясь, просто потому что торопиться не хотелось. Все вокруг складывалось в панораму какой-то безмятежной радости. И долина Катуня, в лоне которой бежал Чуйский тракт, то плавно изгибаясь, как танцор-бальник, то закладывая хулиганистые пируэты степа. И несущиеся по воде красные рафты с переполненными адреналином гребцами в оранжевых спасательных жилетах, делающими «бочку» под аплодисменты сидящих на берегу случайных встречных. И небо, трущееся тяжелыми, словно брюхатыми дождем, тучами о вершины демонстрирующих свою осанку гор.

А самое главное: сладко томила их желанная удаленность от той жизни в шумном городе, где они не принадлежали сами себе и вынужденно подчинялись обстоятельствам, условностям и приличиям, хотя, если говорить строго, подчинялись не всегда или не в полной мере.

Пробравшись среди беспорядочно припаркованных машин возле источника Аржан-Суу, они повернули на мост, ведущий в большую зону отдыха с достаточно очевидным названием «Бирюзовая Катунь».

— Вариантов у нас негусто, — рассуждал Сергей Иванович, пока их машина в небольшой колонне таких же страждущих отдыха автомобилистов преодолевала мост через Катунь. — За мостом — развилка. Налево, за Тавдинские пещеры, мы не поедem — там свободной поляны точно не найти. Говорят, кемеровчане на отдых целыми автобусами прибывают... А поедem мы направо и будем ехать по грунтовочке, пока не найдем уединенного местечка.

— Налево пойдешь, — грозным голосом пропела Таня, — коня потеряешь... Направо пойдешь — свою долю найдешь...

Местечко подходящее они нашли. С хорошей полянкой для палатки возле высоченной сосны. Правда, неподалеку стояло несколько машин и палатки с отдыхающими тоже имелись в пределах видимости, но палатки эти с такими долгими интервалами рассредоточились по берегу Катунской протоки, что вряд ли их обитатели могли друг другу помешать.

Сергей Иванович и Таня решили ничего больше не искать, разобрали вещи, поставили трехместную, с небольшим тамбуром палатку и обустроили свое маленькое гнездышко, где вершиной всему стало ложе для влюбленных, скрепленное из пары двусторонних спальников.

Таня вызвалась развести костер, пока Сергей Иванович называл замаринованное мясо на шампуры. Но дрова никак не разгорались, отсыревшие от дождика, видимо, зацепившего краем и левый берег реки. Наверное, того самого дождика, что грозил им черной тучей в районе Евдокимовской часовни, затем пролившегося над Бийском и обогнавшего их, чтобы основательно прибить прибрежную пыль и напитать влагой заготовленные для отдыхающих колотые сосновые чурки, здесь, на бирюзовой Катунь.

— Серёжа, — пожаловалась Таня, — ты видишь, с поленьев почти что вода сочится. Налей немного бензина из машины, иначе останемся без ужина.

— Какой бензин? Шутишь? Возьми бумагу.

— У нас нет бумаги...

— Разрешаю взять мою книгу... Приношу в жертву!

— «Архитектонику»? Ну ты даешь, герр Профессор! Не жалко?

— Бери! Я еще лучше напишу!

Таня взяла книгу и, выдергивая из нее листочки, заполнила бумагой пустоты между поленьями. Огонь жадным книгочеем побегал по страницам, слизывая горячим языком повествование о веселых и важных ОБЭРИУтах, мечтавших попасть в классики литературы. Стройный текст, жадно поглощаемый пламенем, дробился на разрозненные обрывки: «...хотя, опережая реакцию явных скептиков, следует признать, что для самих ОБЭРИУтов понятия «Эрос» и «Танатос» носили совершенно другой смысл (или вовсе не имели смысла), отличающийся от привычного и общеизвестного. Интересно, что в прозе Данила Хармса или в стихах Александра...». Страница за страницей, выгорая своей бумажной плотью, некогда наполненной содержанием, истончались и чернели, на мгновение заходясь в агонии, и, отстрадав свое, открывали огню страницу следующую: «...слабое звено на звено сильное — Смерть. Эрос на Тана...».

И еще одна страница.

И другая...

Сначала дрова шипели и парили, но постепенно сосновые чурки подсохли и начали охотно гореть. Правда, от книги совсем ничего не осталось.

Немного погодя они сидели на складных стульчиках у костра, ели сочное мясо, пили сухое красное Chardonnay и говорили о том о сем...

— Серёжа, — после некоторой паузы вдруг спросила Таня, — а ты любил свою жену?.. Ну, тогда, когда женился на ней.

— А почему ты спрашиваешь?

— А почему ты не отвечаешь?

Сергей Иванович ненадолго задержался с ответом, но не потому, что у него возникли какие-то сомнения или тайны, требующие осторожности в поиске слов, а скорее, наоборот, удивленный однозначностью и легкостью своих соображений на тему его отношений с женой.

— Нет, не любил.

— Можешь сказать правду, я не обижусь...

— Нет, не любил, точно... Танька... Таня, мне кажется, я до тебя и не знал, что способен любить... И тогда, когда женился, я просто все подчинял логике...

— Это как «если много читать, то потом выводы приходят сами»?

— Почти... Смешная ты у меня, хорошая... А она... Ты извини, но мне жаль ее, немного... Она, в принципе, человек-то нормальный...

И Сергей Иванович замолчал, неожиданно вспомнив утренний разговор. Он отчетливо представил себе лицо жены с побелевшими от гнева губами, подчеркнуто артикулирующими фразой: «...будь она — проклята!» Представил настолько явственно, что холод пробежал между лопатками.

В это время Галина Михайловна, совершенно опьяневшая от выпитого почти до дна полулитрового штофа виски, сидела на полу в кухне и, перевернув на идеально чистый кафель ведро с мусором, пыталась найти маленький бумажный шарик, в который она превратила фотографию соперницы. Под руку попада-

лись фантики от конфет, обрывки упаковки и другие никчемные бумажки.

— Хочешь спрятаться от меня? — заплетающимся языком бормотала Галина Михайловна. — Не выйдет... Я найду тебя и казнь! Все равно найду... Выходи!

Наконец-то одна из развернутых бумажек оказалась той самой фотографией. По смятому изображению густой сеткой прошли трещины, несказанно изуродовавшие запечатленное лицо. Но этого Галине Михайловне показалось мало, и она начала рвать фотографию на мелкие кусочки. А их, в свою очередь, она разорвала на еще более мелкие, и так она раздирала ненавистный снимок до тех пор, пока еще что-то можно было рвать, зацепляя бумагу трясущимися пальцами.

Затем Галина Михайловна с трудом поднялась на ноги и, взяв со стола штоф с остатками виски, сделала большой глоток, после чего шмякнула пустую бутылку о кафельную стену. Осколки, разлетевшиеся в разные стороны, развеселили Галину Михайловну, и вслед за бутылкой в стену полетела ваза с цветами, чайные чашки, керамическая хлебница...

«...Будь проклята!» — Сергею Ивановичу показалось, что кто-то в сгустившейся темноте надсадно прошептал преследовавшую его весь день фразу, вызывая дрожь в теле.

И подумалось невольно: «Надо было что-нибудь сделать такое... Что положено в подобных случаях... Пальцы крестом держать или сплюнуть через левое плечо... Надо было... Ну теперь-то — чего уж».

— Холодом потянуло, — словно почувствовав его скрытую тревогу, сказала Таня. — Пойдем в палатку, пока не замерзли.

— Да, — отозвался он, отгоняя мрачные мысли, — ночь, видимо... будет холодной. Извини, если настроение испортил.

— Ничего не испортил... Ты рядом, и мне хорошо.

Над берегом действительно веяло студеным ветром. Они забрались в палатку и устроились на своем «семейном» сдвоенном спальнике. Маленький светодиодный фонарик, брошенный в изголовье, синим кварцевым светом приглушенно освещал их лица и небольшую часть стены. Сергей Иванович открыл еще одну бутылку, и они, лежа рядышком, потягивали вино,

закусывая молочной шоколадкой с орехово-изюмными вкраплениями. Красное вино грело, отдавая впитанную виноградом в свое естество сброженную энергию солнца, и кружило головы.

Неожиданно Таня отвернулась и, пряча слезы, прошептала:

— Мы никогда не будем вместе — вот увидишь!

— Ну что за глупости, — встревожился Сергей Иванович, — я не узнаю тебя...

Сергей Иванович отставил бутылку в сторону, приподнялся, опираясь на локоть, и свободной рукой попытался повернуть к себе Таню. Но Таня молча отстранилась и села, уткнув лицо в колени. Плечи ее подрагивали, видимо, от сдерживаемого плача. И вдруг она резко распрямилась и откинула голову назад.

— Ты не уйдешь от своей... — впадая в иную крайность, смеясь, затараторила Таня. — Мы все — любовный треугольник. Я, ты, она! Банально и пошло... И я в нашем треугольнике — самое слабое звено! «Я, ты, он, она! Вместе целая страна, вместе — дружная семья...» Ха-ха-ха! Она — твой друг! Она... А ты... ты такой хороший, что иногда даже противно!

— Успокойся, ты просто выпила лишнего...

— И что? — Таня перегнулась через Сергея Ивановича, нащарила бутылку и, обхватив ее обеими руками, сделала большой глоток вина. — Пьяная женщина — это нечто!

— Я не узнаю тебя, — повторил Сергей Иванович, мягко потянув бутылку у Тани из рук.

— Я чего-то боюсь, — опять захлюпала носом Таня, — у меня лицо, словно горит все... Ты... ты со мной?

— Я с тобой! Сейчас и потом... — Сергей Иванович вдруг понял, чего он хочет больше всего на свете, и от значимости этой мысли заволновался так, что, казалось, услышал стук своего сердца. — Ты родишь мне ребенка?.. Когда мы будем вместе.

— Я тебе даже двух рожу... когда мы будем вместе.

Таня откинулась на спину, потянула Сергея Ивановича за собой, и он почувствовал на губах смешанный вкус Таниного поцелуя: немножко вина, немножко шоколада и чуточку дождя...

— Люблю тебя...

— А я сильнее...

— Женщина не может любить сильнее мужчины.

— Что? «Женщина не может»? Эх, мужчины, мужчины...
Что вы понимаете в женщинах? Есть ты и я...

Сергей Иванович целовал Танино лицо, не разбирая, куда попадали его губы, — все ему было сладким. И щеки Танины, на самом деле солоноватые от слез, и волосы, пропахшие дымом, и чувствительные мочки ушей, через прикосновение передающие ток Таниному телу, и ее губы, ищущие его поцелуя, встречающие ответным желанием...

Мир отступил, он просто перестал существовать. Даже время двигалось иначе, словно обтекая их палатку — крохотный мирок, под тонким непромокаемым пологом. Прошлое и будущее — сошли на нет. Одно только счастливое настоящее страстной, неистовой силой притяжения связывало мужчину и женщину в желанном обладании друг другом. И в этом трепетном настоящем первостепенное значение имела его сила, пробуждающая нежность, и ее нежность, придающая силы...

— Серёжа! Серёженька! Серёжка!.. Я хочу выпить за тебя.

— А я — за тебя.

— Ой, у нас вино кончилось...

— Я принесу из машины... Будь здесь... Не уходи никуда.

— Слушаюсь, герр Профессор. Я буду ждать... Накинь плащ, слышишь, что-то шелестит по палатке, наверное, это ливень, который смывает нас с лица земли.

Сергей Иванович наскоро оделся, взял плащ в охапку, выбрался на улицу, оставив Таню одну, и Таня, затаившись, словно сберегая энергию их маленького мира, осталась ожидать возвращения Сергея Ивановича.

Палатка, кроме того что делала осадки невидимыми для Тани, являлась еще и хрупкой границей между ней и хозяйничавшей в лесу и над протокой темнотой. Таня будто почувствовала через палаточную ткань эту бездонную тьму, обступившую их домик, и смотрела в нее зелеными, влекущими магнетической глубиной глазами. Смотрела — как из омута в омут. От выпитого вина в голове все немножко плыло, и самой Тане казалось, что ее тело тоже слегка качается на волнах.

«Мо-ре вол-нуется ра-аз... — чуть растягивая слова в такт покачиванию, зазвучали в Таниной голове ребячьего голоса, всплыв-

шие из какого-то дальнего уголка памяти, — мо-ре вол-ну-ется... два-а... Мо-ре...»

Она представила себе огонь от костра, горящую книгу «Архитектоника оригинальной поэзии», только вместо текста в объятый пламенем книге почему-то стали появляться ее институтские фотографии, разорванные в клочья, и школьные тоже, и детские...

Взвизгнула входная молния. В палатку, забавно скрючившись, вполз на четвереньках Сергей Иванович.

— Серёжа, как хорошо, что ты вернулся, — обрадовалась Таня, — я чуть не заснула и даже сон почти увидела...

Сергей Иванович был весь мокрый от дождя. По его плечам, волосам, лицу стекали крупные капли и падали на Таню. В неплотно задвинутый поллог палатки тянуло свежестью, запахом мокрой коры и хвои. Там, в темноте, шумела на камушках Катунь. Навевая состояние безмятежной защищенности, стучал дождь по непромокаемому тенту, и то, что они, прячась от непогоды, находились вдвоем под этой крышей, усиливало безмятежность многократно.

— Ты спи, Танечка, — говорил Сергей Иванович, глядя мокрыми руками Таню по голове. — Представляешь — льет настоящий ливень. Костер весь вымок и погас... Я вина нигде не нашел... Но ты ни в коем случае не волнуйся... Спи... Спи спокойно, завтра купим новое вино...

Таня прижала к лицу его ладони, уткнулась в них носом, вдыхая смешанный запах виноградного вина, кострового дыма и перебивающий все терпкий аромат смолы, впитавшийся в его кожу от сосновых поленьев.

— Хорошо, — прошептала Таня, — только ты расскажи мне сказку, и я сразу же усну.

— Сказку? Ну что же, я попробую... слушай. Жила-была на белом свете самая прекрасная принцесса с глазами цвета горного малахита, хотя она никогда не видела ни самого малахитового камня, ни высоких гор. Ее домик стоял на окраине волшебного...

— ...города Алейска, — вмешалась в рассказ Таня.

— ...именно так назывался этот волшебный город, расположенный за гречишными полями, медоносными лугами и владениями работающих гномов. Принцесса, как и положено девушке

ее положения и возраста, была хорошо воспитана и образована. Днем она пекла вкусные пирожки, а вечерами читала толстые и умные книжки, из которых узнала, что в ее судьбе должен обязательно появиться принц на белом...

— ...Шевроле, — опять подсказала Таня важную для сказки деталь.

— Совершенно верно: Шевроле — так звали сильного и быстрого коня заколдованного странствующего принца, ищущего по всей земле девушку с редкими малахитовыми глазами. Все мужчины в роду у принца женились на девушках именно с таким цветом глаз, чтобы снять с себя колдовство напрасной жизни. Долго ли, коротко, летом или зимой, в пятницу или в воскресенье, но прекрасная принцесса и заколдованный принц встретились и полюбили друг друга с первого взгляда. Жили они долго и счастливо...

— ...а умерли в один день!

— Не знаю, про это в сказке не сказано ни слова. Только про любовь...

Сергей Иванович обнял Таню, и она ощутила то, что давало ей покой и радость: его щекочущее дыхание на своей щеке и волнуемое тепло его сильного тела...

Но это было всего лишь видение, фантазия, сон. Именно так — все вместе и сразу, как в ОБЭРИУТских текстах.

Когда Сергей Иванович отправился за вином и выбрался из палатки, он увидел то, чего увидеть никак не ожидал.

Берег, стулья, стол, машину, ветки — все видимое покрывал снег.

Нежданный-негаданный июльский снежок хрустел под ногами. Хруп-хруп-хруп...

У ближних палаток ходили люди.

Хруп-хруп-хруп...

Лучи мощных фонарей пронизывали снежную пелену.

Столбы света заполнил стремящийся к земле снег.

Тревожные голоса перемешивались с беспечным смехом.

Зыбкий покров медленно таял на недостаточно холодном песке.

Сергей Иванович решил перегнать машину к дороге.

Хруп-хруп-хруп...

«Шевроле-Нива», цепляясь за грунт всеми колесами, забралась в горку по уже хлябистому подъему.

Припарковавшись, Сергей Иванович машину покидать не спешил.

Ему хотелось минутку-другую побыть одному.

«Ну почему так, — размышлял он, глядя на безумство природы, — и никак иначе устроено в этом мире? Зыбко! Почему?»

Дворники раскидывали снежную кашу с ветрового стекла.

Хруп-хруп, хруп-хруп...

Впереди, насколько хватало дальнего света автомобильных фар, безвольно кивая верхушками, раскачивались сосны.

«Почему счастье, — забрасывал себя вопросами Сергей Иванович, пытаясь привести мысли в привычный порядок, — всегда нечто невероятное, как этот летний снег? Почему любовь приходит и раскачивает нас, будто мы сосны на ветру?»

Еще не видимый в кромешной тьме по левому берегу Катуня к людям двигался смерч, ломая могучие сосны, ровно спички...

Хруп! Хруп!..

«Почему, — подытожил свои раздумья Сергей Иванович, — я умею только красиво рассуждать, а эта девочка умеет так красиво, по-настоящему жить? Я должен держаться за нее, ведь она — мое всё... Да».

За несколько секунд до пришествия смерча Сергей Иванович заглушил двигатель, выключил фары, и, ослепленный резким переходом от света к темноте, он не увидел, как вырвавшийся из мрака чудовищный порыв ветра в неудержимой злой воле вытянул струной сосну, растущую возле их палатки, и надломил ее на высоте человеческого роста.

Хр-р-р-уп!

Он не увидел, но отчетливо понял, ощутил всем своим естеством, как надломленная сосна обрушилась всей мощью на хрупкий домик со спящей Таней, безжалостно завершая ее земной путь от Любви до Смерти.

Меняя слабое звено — Любовь — на звено сильное — Смерть.

Не оставляя для всех вершин имеющегося любовного треугольника ни единого шанса на возвращение от Смерти к Любви.

Потому как обратного движения у жизни — нет.